Камила Левитан ✦ Виктория Шнайдер

Развод с предателем.

Ты выгнал меня из клиники, но я купила твою империю!

Виктория Шнайдер

Развод с предателем. Ты выгнал меня из клиники, но я купила твою империю!

«Автор»
2026

Шнайдер В.

Развод с предателем. Ты выгнал меня из клиники, но я купила твою империю! / В. Шнайдер — «Автор», 2026

Муж объявил о разводе прямо на открытии нашей клиники. Перед сотнями гостей он назвал меня бесполезной женой, представил беременную любовницу и приказал охране выставить меня на мороз. Без денег. Без документов. Без права вернуться к работе.Он думал, что уничтожил меня.Но я — хирург, который годами спасал чужие жизни. И теперь собираюсь спасти собственную.Когда влиятельный инвестор Виктор Дольников предложил помощь, я ещё не знала, какую цену придётся заплатить за возвращение.Мой бывший муж уверен, что победил. Пусть наслаждается.Скоро он потеряет клинику, деньги и власть. А однажды придёт ко мне на операционный стол и будет умолять спасти ему жизнь.

© Шнайдер В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Камила Левитан, Виктория Шнайдер Развод с предателем. Ты выгнал меня из клиники, но я купила твою империю!

Глава 1

Хрусталь в бокале звенел, как колокольчик на шее у кота, которого вот-вот вышвырнут из дома. Я держала спину и улыбалась, время от времени разжимая зубы, чтобы не свело челюсть. Вечернее платье цвета глубокого моря обнимало талию, ткань была дорогой, но сейчас она ощущалась как саван. Мы открыли новый корпус «Гущин Мед». Красивый, стерильный, сверкающий стеклом и деньгами. И я, Елена Ветрова, главный хирург этой империи, должна была выглядеть счастливой женой владельца.

Сергей дернул меня за локоть. Снаружи это, наверное, выглядело ласковым жестом. Я повернулась к камере, лишь бы он ослабил пальцы.

— Шире, Лен, — прошипел он мне в самое ухо, и его дыхание пахло дорогим виски и приторной мятой. — Улыбайся так, будто мы вместе строили это кирпичик за кирпичиком. А то они подумают, что ты просто прицеп.

Я послушно растянула губы, чувствуя, как челюсть начинает ныть от напряжения. Я едва не прикусила щёку изнутри. Сергею нужна была эта фотография: жена рядом, жена улыбается — значит, в семье всё прекрасно. Его пальцы всё ещё сжимали мой локоть, и на снимке этого никто не увидит. Я всегда оправдывала такие моменты стрессом, важностью мероприятия, тем, что он просто нервничает. Но сегодня, глядя в объективы фотоаппаратов, ловящих наши отражения в зеркальных стенах холла, я вдруг увидела пустоту в его глазах. Там не было любви. Там был расчет.

К нам подошла Инга Лаврова. Молодая, свежая, пахнущая чем-то цветочным и опасным. Она не поздоровалась со мной. Ни единого слова. Ее взгляд скользнул по моему лицу, словно по ненужному предмету интерьера, и тут же прилип к Сергею.

Она протянула руку и поправила ему воротник рубашки. Плавное, собственническое движение. Кончики ее пальцев задержались на его шее дольше, чем нужно для простого этикета. Сергей не отдернулся. Чуть наклонил голову, давая ей поправить воротник, и улыбнулся. Мне он сегодня так не улыбался.

— Ты бледная, Лена, — бросила Инга, наконец удостоив меня взглядом, полным жалости и торжества. — Тебе бы отдохнуть. У тебя такой вид, будто ты не спишь ночами.

Я сделала шаг назад, интуитивно считывая угрозу, которую невозможно назвать словами. Мне хотелось убрать её руку с его шеи. Я даже шагнула к ним, но так и не сказала ничего. Они играли в семью прямо передо мной, живой женой, которая только что резала опухоли в операционной этого здания.

Сергей перехватил мой взгляд. Вместо того чтобы одернуть девушку или успокоить меня, он взял Ингу под руку и повел к VIP-столу. Он даже не оглянулся. Костюм сидел на его спине без единой складки. Он обнял другую женщину, проходя между столами, так легко, будто я уже не стояла за его спиной.

Я осталась одна посреди зала. Вокруг текла река шампанского, звучал джаз, люди смеялись, но для меня звук стал глухим, как из-под воды. Я попыталась подойти к Андрею Петровичу, своему бывшему преподавателю, который теперь работал консультантом в клинике. Я хотела просто сказать ему пару слов, почувствовать опору. Но когда я коснулась его плеча,

он резко обернулся, посмотрел сквозь меня, как через стекло, и демонстративно отвернулся к другому собеседнику.

— Извини, Лена, занят, — буркнул кто-то из коллег, проходя мимо.

Я убрала руку с плеча Андрея Петровича. Он продолжал разговор, хотя ещё мгновение назад видел меня. Сквозь тонкие подошвы тянуло холодом. До сцены было несколько шагов, но подойти туда одной, под эти взгляды, я не могла.

Музыка смолкла. Ведущий, высокий молодой человек с идеально ровными зубами, вышел на середину сцены.

— Дамы и господа! Слово предоставляется основателю клиники, человеку, который сделал невозможное возможным, — Сергею Гущину.

Аплодисменты рассыпались по залу, как град. Сергей поднялся. Он выглядел безупречно. Темный костюм, белая сорочка, уверенная походка хищника, почуявшего добычу. Он взял микрофон, и его голос, усиленный динамиками, заполнил пространство, вибрируя где-то в области солнечного сплетения.

— Спасибо всем, — начал он, и в зале воцарилась тишина. — Сегодня особенный день. Мы открыли новые двери. Но иногда нужно закрыть старые, чтобы увидеть, куда идет свет.

Я почувствовала приступ дурноты. Предчувствие катастрофы поднялось из желудка к горлу комком. Ноги отказались слушаться. Я стояла в толпе гостей, как вкопанная, боясь пошевелиться, боясь устроить скандал, который подтвердит все те слухи о моей «истеричности», которые распускали последние месяцы.

Сергей продолжал говорить о честности перед собой, о новом этапе жизни. Он оглядел зал и остановил взгляд на мне. Именно на мне.

— Моя жена, Елена, — произнес он четко, холодно, с интонацией человека, читающего инструкцию по эксплуатации, — всегда была идеальной картинкой. Тихой, покладистой, удобной. Но картинка не может дать мужчине то, что ему нужно. Картинка не рожает наследников. Картинка не разделяет амбиций. Наш брак был фикцией. Фикцией ради связей в Минздраве, ради спокойствия родителей, ради имиджа.

Зал замер. Кто-то уронил вилку. Звук падения металла о фарфор разрезал тишину, как скальпель.

— Я требую развода, — сказал Сергей, и его голос не дрогнул. — И раздела имущества по закону. Где я забираю активы, потому что создавал их я, а она... она не получит ничего. Потому что она никогда ничего не создавала сама.

Камеры щелкнули разом, десятки вспышек озарили мое лицо. Я чувствовала, как кожа горит под этим светом. Мне хотелось кричать, плакать, бросить в него этот чертов бокал. Но я не сделала ничего из этого.

Бокал поставила на край ближайшего стола и потянулась к кольцу. Золотому обручальному кольцу, которое он подарил мне семь лет назад. Оно сидело свободно, будто ожидало этого момента. Я сняла его одним плавным движением. На пальце остался красный след, который быстро побледнел.

Я прошла мимо официанта, несущего поднос с пустыми фужерами, и положила кольцо на серебро. Звяканье было тихим, но в абсолютной тишине зала оно прозвучало громче удара колокола.

Официант растерянно посмотрел на поднос. Я убрала руку. Пусть Сергей сам забирает кольцо, если оно ему ещё нужно.

Инга вышла на сцену. Она взяла микрофон из рук Сергея, хотя тот не отпускал его до последнего. В другой руке она держала белую тест-полоску. Две полоски. Яркие, розовые, обвиняющие.

Она подняла её высоко, показывая всему залу.

— Наследник уже здесь, — улыбнулась она, и эта улыбка была страшнее любой гримасы ненависти.

Сергей обнял ее за плечи, притягивая к себе, представляя публике как будущую мать, как новую королеву своего маленького царства. Он смотрел на меня сверху вниз, со сцены, и в его взгляде читалось удовлетворение победителя, который наконец-то убрал с дороги мешающий камень.

Я развернулась спиной к сцене. К аплодисментам, к визгам, к фотографам. Мои руки дрожали так сильно, что я сжала кулаки до боли в костяшках. Спина была прямой. Я не просила объяснений. Я не умоляла. Я уходила.

Каждый шаг к выходу давался тяжело, будто я шла против ветра. Коллеги расступались передо мной, кто-то опускал глаза, кто-то, наоборот, пялился с любопытством туриста в зоопарке.

В холле, почти у стеклянных дверей, ведущих на улицу, путь мне преградил охранник. Крупный мужчина в форме с надписью «Security».

— Простите, Елена Сергеевна, — сказал он твердо, но без агрессии. — Доступ к служебным лифтам и операционным заблокирован приказом генерального директора. Ваш пропуск деактивирован. Вам нельзя оставаться в здании.

Он говорил так, будто выполнял техническое задание. Никаких эмоций. Просто система безопасности работала исправно.

— Мне нужно забрать сумку, — хрипло сказала я. — Там мои документы.

— Приказ есть приказ, — он покачал головой. — Вы должны покинуть территорию немедленно.

Я достала телефон. Руки тряслись, и я едва не выронила аппарат. Нужно было позвонить адвокату. Или маме. Или кому угодно, кто еще остался на моей стороне.

Я открыла приложение банка, чтобы проверить баланс, надеясь, что хоть деньги мои, хоть часть моих денег остались нетронутыми. Экран мигнул, и вместо суммы я увидела красную надпись:

«Карта заблокирована. Причина: решение собственника счета / судебное ограничение».

Холодок пробежал по позвоночнику. Это не было импульсивным решением. Это не было вспышкой гнева после бокала виски.

Он подготовился. Идеально. До мелочей.

До того, как он вышел на сцену, он уже знал, что карты будут заморожены, что охрана будет ждать меня в холле, что учетная запись для доступа к серверам клиники будет отозвана в ту же секунду.

Такое нельзя устроить за время короткой речи. Пока я готовилась к открытию корпуса, кто-то принимал его распоряжения: закрыть доступ, заблокировать деньги, выставить жену. Всё сработало по его плану. Даже я: стояла у выхода с телефоном в руке и пыталась понять, что ещё у меня осталось.

Меня мутило, и пришлось упереться ладонью в стекло двери. Он не просто ушёл к другой. Он оставил меня без денег и документов — и ни в одном из этих распоряжений не остановился, не подумал: ведь Лена выйдет на мороз.

Я толкнула тяжелую стеклянную дверь и вышла наружу.

Москва встретила меня морозом. Декабрьский ветер ударил в лицо, мгновенно заморозив влажные от слез щеки. Платье было тонким, куртки не было. Сумки не было. Телефон ещё работал, но позвонить я так и не смогла: кому?

Глава 2

Я стояла на тротуаре, окруженная толпой людей, спешащих по своим делам, никто из них не смотрел на женщину в вечернем платье, дрожащую от холода и унижения. Для города я стала невидимкой.

Рядом, у бордюра, бесшумно затормозил черный внедорожник. Стекло тонировки медленно опустилось.

Из машины тянуло теплом и дорогим табаком. За рулем сидел мужчина. Виктор Дольников. Тот самый инвестор, о котором шептались в коридорах клиники, называя его акулой бизнеса. Человек, который хотел выкупить активы Сергея.

Дольников смотрел внимательно, задерживаясь на моих мокрых щеках и голых плечах. От этого взгляда захотелось прикрыться руками. Он видел всё: я вышла без пальто, меня трясёт, а позади ещё празднуют. И, похоже, уже решал, что с этим делать.

— Садитесь, Елена, — тихо сказал он. Голос был бархатным, но твердым, как сталь. — Здесь слишком холодно для игры в молчанку.

Я не двигалась. Если сяду в эту машину, Дольников потребует чего-нибудь взамен. Я пока даже не знала, чего именно. От этой мысли хотелось отступить от тёплой двери. Но смотреть на то, как Сергей празднует свою победу внутри этого стекла, было невыносимо.

Ветер снова тряхнул полы моего платья.

— Быстрее, — добавил Дольников, и в его тоне появились нотки приказа. — Пока ваши бывшие друзья не решили добить вас здесь.

Я шагнула к машине — и остановилась.

— Мне нужно домой, — сказала я. — Сначала домой.

Не дожидаясь ответа, отошла от бордюра.

Дверь нашей квартиры не поддалась. Я толкнула её плечом, потом ладонью, потом всем весом своего тела, которое ещё час назад было «женой владельца клиники», а сейчас стало просто препятствием на пути чужого спокойствия. Ключ упёрся в чужую личинку замка. Новый механизм. Точёный, дорогой, холодный.

— Простите, но доступ запрещён, — голос охранника за спиной был мягким, как бархатная перчатка, обтягивающая кулак. Он даже не повысил тон. Просто встал между мной и дверью, заслоняя собой мою жизнь. — Хозяин квартиры дал распоряжение. Вы здесь никто, Елена Сергеевна. Уходите, пока я не вызвал полицию за вторжение на частную территорию.

Вторжение? В свою собственную квартиру? Ту самую, где мы с Сергеем выбирали обои для детской (которой так и не случилось), где пахло его одеколоном и моим кофе по утрам?

Лифт за спиной охранника открылся. Из кабины выглянул Сергей. Не вышел. Просто показался, словно наблюдая за интересным экспериментом. Его лицо было лишено каких-либо эмоций. Ни вины, ни злости. Только скука человека, которому надоело ждать такси.

— Ключи у меня, Лена, — произнёс он ровно, глядя сквозь меня. — Ты здесь никто. Уходи. Иначе я действительно вызову патруль. Мне не нужны эти скандалы перед инвесторами завтра утром.

— Там мои документы! — выкрикнула я, чувствуя, как горло сжимает спазм. — Зимняя куртка! Мне холодно, Сергей!

Он уже начал поворачиваться обратно в кабину лифта. Но прежде чем двери сомкнулись, раздался звонкий смех. Инга Лаврова. Она стояла за его спиной, одетая в мой домашний халат из шёлка цвета пыльной розы. Тот самый, который я купила себе на день рождения два года назад.

— Ой, простите! — Инга сделала вид, что удивилась, прижав руку к груди. Её живот был плоским, но она играла роль беременной королевы с таким азартом, что хотелось кричать. — Мы тут ремонт делаем... то есть, переезжаем. А это ваше? Выбросили.

Она указала пальцем в угол коридора. Там лежал мусорный пакет. Рваный, грязный. Внутри виднелся край моего любимого свитера и стопка медицинских журналов. Мои статьи. Мой труд.

Я метнулась к пакету, забыв про охранника, про стыд, про всё. Схватила пакет за рваный край. Прижала к себе свитер и журналы — больше охранник забрать не дал.

— Не трогайте! — завизжала Инга, отшатываясь к мужчине. — Она агрессивна! Позвоните в службу безопасности!

Лифт захлопнулся, заглушив смех Инги. На секунду я увидела себя в сомкнувшихся дверях: свитер прижат к груди, журналы выскальзывают. За ними она стояла в моём халате.

Я осталась одна в полутёмном холле кондоминиума. Охранник смотрел на меня с лёгким отвращением, будто я была насекомым, заползшим в чистое помещение.

— Прошу покинуть объект, — повторил он.

Телефон в кармане платья завибрировал. Номер мамы Сергея. Светланы Ивановны. Последняя надежда на человеческое участие. На то, что женщина женщине друг.

Я ответила, стараясь говорить спокойно, хотя зубы выбивали дробь.

— Светлана Ивановна, здравствуйте. Это Лена. Мне очень нужно...

Гудки. Резкие, короткие. Потом тишина.

Через минуту поступило сообщение: «Не звони мне больше. Ты опозорила моего сына. Истеричка».

Мир качнулся. Я оперлась рукой о стену, чтобы не упасть. Они все договорились. Заранее. Они уже решили, кем я буду: «неблагодарная стерва», «истеричка», «та, что разрушила семью». А я? Я была хирургом, который три года спасал их жизни, пока они пили мой чай и обсуждали свои интрижки.

Нужны были деньги. Наличные. Хотя бы на такси до вокзала или дешёвый хостел.

Я шла до ближайшего банка двадцать минут. Поздний вечер в Москве был промозглым, ветер пробирал сквозь тонкую ткань платья, забираясь под кожу. В холле отделения пахло кондиционером и страхом клиентов.

— Снимите наличные, пожалуйста, — попросила я менеджера, протягивая карту.

Он посмотрел на экран монитора, затем на меня. Взгляд скользнул по моему растрепанному виду, по карте, которую я сжимала в руке. Жалость смешалась с презрением.

— К сожалению, операция невозможна, — сказал он механически. — Ваш счёт заморожен по решению суда о разделе имущества. Иск подан сегодня днём.

— Но там моя зарплата! — воскликнула я слишком громко. Люди оглянулись. — Я работала там десять лет!

— Меры приняты в рамках закона, — менеджер отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Я вышла на улицу. В кармане не было ни рубля. Даже на булку хлеба. Голод скрутил желудок тупой, тянущей болью. Я увидела своё отражение в витрине закрытого магазина. Бледная женщина с тёмными кругами под глазами, мокрая от пота и снега одежда, взгляд загнанного зверя. Красиво. Идеально для новой жены моего мужа.

Нужно было забрать сумку с документами. Она осталась в ординаторской клиники. Может быть, там ещё остались коллеги, которые вспомнят, кто такой доктор Ветрова.

Клиника «Гущин Мед» сияла ночным светом, как космический корабль. Вход через ресепшен был перекрыт двумя охранниками.

— Пропуск деактивирован, — сухо сообщил администратор, не поднимая глаз от клавиатуры. — Доступ к операционным заблокирован службой безопасности. Просьба удалиться.

— Мне нужна только сумка, — прошептала я. — Пожалуйста, Татьяна, вы же знаете меня...

Администратор подняла глаза. В них не было узнавания. Только страх связываться с человеком, которого хозяин объявил врагом номер один.

Охранники взяли меня под локти. Грубо. Без церемоний. Они буквально вытолкали меня в холл, где уже толпились люди. Коллеги-хирурги, медсёстры, стажёры. Те, кому я читала лекции. Те, кого я учила держать скальпель.

Доктор Орлов, мой бывший ассистент, резко отвернулся к стене, делая вид, что изучает график дежурств. Медсестра Марина, которой я однажды оплатила операцию матери, быстро прошла мимо, опустив голову. Я ждала, что хоть кто-нибудь окликнет охранников. Орлов продолжал смотреть на график, Марина уже скрылась за поворотом. Им было проще дать меня вытолкнуть, чем произнести при Сергее моё имя. Даже тем, кого я учила работать.

Меня выпихнули наружу. Двери захлопнулись перед носом, отсекая звук шагов, запах антисептика, смысл моей жизни.

Я сидела на скамейке в парке напротив клиники. Холод пронизывал до костей. Зубы стучали так сильно, что болели челюсти. Я плакала тихо, без звука, только плечи тряслись, а слёзы замерзали на щеках. Я перебирала в уме, куда ещё можно пойти, и всякий раз возвращалась к этой скамейке. В квартире меня не пустят, в клинике тоже. В кармане лежала карта, по которой даже кофе купить нельзя.

Тень упала на мои колени. Крупная, властная. Пахло дорогим табаком, кожей и чем-то неуловимо опасным, как перед грозой.

Я не подняла головы. Не хотела видеть сочувствия.

Человек сел рядом. Не предложил помощь. Не спросил, всё ли хорошо. Он просто закурил, выпуская дым в морозный воздух. Молчание длилось минуты три. Для меня это была вечность. От него тянуло теплом; отодвинуться от чужого мужчины хотелось почти так же сильно, как придвинуться поближе.

Наконец, я попыталась встать. Ноги отказались слушаться. Голова закружилась.

— Сядьте, — голос был низким, бархатным, с металлическими нотками внутри. — Вы сейчас упадёте. И мне нужно, чтобы вы были живы для одного разговора.

Ему нужен разговор. Он даже не стал скрывать этого за сочувствием. Я стиснула зубы, пережидая головокружение: придётся выслушать, что ему понадобилось от женщины, у которой уже всё отняли.

Я медленно опустилась обратно, чувствуя, как трясёт тело. Посмотрела на него. Виктор Дольников. Инвестор. Человек, которого боялся весь медицинский рынок Москвы. Тот самый, кого Сергей называл «акулой».

— Зачем вам это? — спросила я хрипло.

Виктор достал из внутреннего кармана пальто визитку и маленькую, чёрную флешку. Положил их на скамейку между нами. Его рука на секунду задержалась в воздухе, пальцы длинные, сильные, с аккуратным маникюром. Этот жест заставил моё сердце сбиться с ритма. Не от страха. От чего-то другого. От ощущения силы, которая могла раздавить меня или поднять.

— Возьмите, — сказал он.

— Что это?

— Информация о том, почему Сергей так торопился выставить вас. Он боится не раздела имущества. Он боится аудита.

Глава 3

Слова повисли в морозном воздухе.

— Аудита?

— Да. Его клиника держится на финансовых махинациях и скрытых нарушениях лицензионных требований. Он использовал ваш авторитет и связи в Минздраве, чтобы закрыть глаза на проблемы. Теперь, когда вы вне игры, ему нужна новая фигура для прикрытия. И новая защита от проверки.

Я смотрела на флешку и вспоминала, сколько раз Сергей просил меня поговорить с нужным человеком, успокоить проверяющих, поставить подпись. А я радовалась, что могу помочь. Что мы вместе делаем важное дело. Он хотя бы раз видел в этом что-нибудь, кроме удобства?

Сергей не просто бросил жену. Он списал оборудование.

Искушение взять её было огромным. Страх перед неизвестностью сковывал руку. Мир бизнеса Виктора был серой зоной, куда нельзя было заходить, если ты хочешь остаться чистой. Но я уже была в грязи. Глубоко. По самое горло.

— Почему вы помогаете мне? — спросила я, глядя ему в глаза.

Виктор усмехнулся. Усмешка была холодной, почти злой.

— Я не помогаю вам, Елена Сергеевна. Я делаю инвестицию. Вы — единственный человек, который знает все лазейки в системе Гущина. И вы хотите справедливости. А я хочу его активы. Мы можем помочь друг другу.

Он даже не пытался понравиться мне. Назвал свою цену и ждал. Отказать ему я могла — но тогда придётся снова решать, где провести ночь.

Я посмотрела на чёрную флешку между нами. Сергей уверен, что мне теперь нечем ответить. Тем приятнее будет показать ему, как он ошибся.

Я протянула руку. Пальцы Виктора случайно коснулись моих. Его кожа была горячей. Я вздрогнула, но не отдёрнула руку. Он тоже не убрал её сразу. Секунда затянулась. Я смотрела на его пальцы и ждала, кто уберёт руку первым. От холода я почти перестала чувствовать свои; его прикосновение вдруг стало слишком отчётливым.

Я забрала флешку и спрятала её в карман платья. Проверила пальцами: на месте. Теперь главное — не потерять и эту маленькую вещь.

Виктор встал, стряхивая пепел с пальто. Он не попрощался. Просто развернулся и ушёл в темноту парка, растворившись в тенях, как призрак.

Я осталась на скамейке. Снова стало холодно; желудок свело так, что пришлось согнуться. Но в кармане была флешка. Я нащупала её через ткань и ещё раз вспомнила слова Дольникова: Сергей боится аудита. Значит, идти нужно туда, где эту флешку можно открыть.

Дождь с утра так и не кончился; мокрые волосы липли к щекам. Я стояла под окнами Марины, и вода стекала по вороту свитера, который я вытащила из мусорного пакета у собственной квартиры. Он промок насквозь, оттягивал плечи и пах моими духами — единственное знакомое в этом мокром утре.

Я набрала номер. Гудки. Долгие, бесконечные гудки. Вчера мы вместе чокались бокалами за новый корпус «Гущин Мед». Инга Лаврова тогда улыбалась своей модельной улыбкой, а Сергей смотрел на меня так, будто я — деталь интерьера, которую можно заменить на более современную. А потом этот интерьер взбунтовался.

Телефон мигнул красным: «Вызов завершён». Я позвонила снова. На этот раз трубку взяли мгновенно.

— Алло? — голос Марины был резким, испуганным. Не удивленным. Испуганным.

— Марин, это Лена. Открой дверь, пожалуйста. Мне нужно… мне нужно переночевать. Или хотя бы зарядить телефон. У меня ничего нет. Совсем.

Тишина на том конце провода длилась ровно три секунды. Я слышала, как она дышит. Слышала, как скрипнула створка окна на третьем этаже.

Я подняла голову. В окне мелькнула тень. Занавески задёрнулись плотнее.

«Не могу говорить», — пришло сообщение через минуту. Марина не положила трубку сразу — выслушала меня. И всё-таки задёрнула шторы. Я посмотрела на телефон: ни предложения прийти позже, ни адреса, куда можно обратиться. Даже зарядить его она меня не пустит.

Я отвернулась от окна и побрела к метро. Холод пробирал до костей, но сердце болело сильнее. Оно билось где-то в горле, мешая дышать. Нужно было найти людей, которые знают меня не как жену Сергея, а как хирурга. Тех, кто видел мои руки в крови и знал, что я умею спасать жизни, а не только портить чужие праздники.

Кафе напротив больницы было заполнено дымком и запахом дешевого кофе. Я увидела Анну. Моя бывшая коллега, терапевт, сидела за угловым столиком с двумя ординаторами. Они смеялись над какой-то шуткой про пациентов. Смех оборвался, когда я подошла.

— Лен? — Анна отшатнулась, будто я достала нож.

— Привет, Анн. Можно присесть? Нам надо поговорить.

Она переглянулась с парнями. Те отвели взгляды, изучая свои телефоны.

— Елена Сергеевна, нам тут неудобно, — тихо сказала Анна, наклоняясь ко мне. Её лицо было бледным, глаза бегающими. — Сергей сказал… ну, он предупредил всех. Что ты истеричка. Что угрожаешь персоналу. Если я буду с тобой общаться, меня уволят. И без рекомендаций.

— Он солгал, — мой голос дрожал, но я сжала кулаки, чтобы не сорваться на крик. — Посмотри на мою руку. Видишь синяк? Это они меня выволокли. Там, в клинике. Прямо при всех.

Я протянула запястье. Фиолетовые пятна на коже были свежими, болезненными.

Анна посмотрела на мою руку, потом на своих коллег, которые делали вид, что не замечают драмы в двух шагах от них. Она аккуратно отодвинула моё запястье назад.

— Пожалуйста, уйди. Пожалуйста.

Я опустила руку. Вчера Анна могла попросить меня подменить её, посмотреть пациента, помочь с диагнозом. Сегодня даже мой синяк ей мешал. Я постояла возле стола ещё секунду — глупо, словно она могла передумать, — и вышла, не попрощавшись.

Выйдя на улицу, я села на мокрую скамейку и достала телефон. Осталось 15% заряда. Я набрала номер Светланы Ивановны. Моей свекрови. Той самой женщины, которая семь лет называла меня дочерью, пока я возила её на процедуры и оплачивала её курорты.

— Да? — голос был ледяным.

— Светлана Ивановна, это Лена. Вы можете мне помочь? Мне некуда идти.

Пауза. Потом смех. Тихий, злой, удовлетворенный.

— Помочь? Ты? После всего, что ты устроила на открытии? Ты опозорила моего сына, Лена. Ты сделала из него посмешище перед инвесторами.

— Он сам… он выставил меня. Инга беременна.

— Инга? — Светлана Ивановна фыркнула. — Инга — это продолжение рода. А ты? Тридцать четыре года, ни одного ребенка. Ты не смогла дать внуков, и теперь портишь жизнь сыну ради денег? Ты жадная, неблагодарная сука. Мой сын терпел тебя годами, потому что ты была нужна ему для связей в минздраве. А теперь ты бесполезна. И мерзка.

— Вы знали? — прошептала я. — Про бесплодие?

— Знала, что ты не способна родить нормального наследника. А то, что у моего сына проблемы с репродукцией, его личное дело. Главное, что есть женщина, которая может подарить ему детей. Даже если для этого пришлось растоптать ту, кто верил в любовь. Забудь, что ты вообще звонила. И не смей приближаться к дому.

Связь оборвалась. Гудки. Резкие, отрывистые.

Она знала всё. Пока я возила её на процедуры и сидела рядом, ожидая врача, Светлана Ивановна уже знала, кого мы лечим зря. Теперь называла меня бесполезной. Я снова посмотрела на её номер, всё ещё не веря, что только что услышала это. Я уже набирала ответное сообщение, чтобы сказать ей всё, что думаю. Стерла. Она прочитает и посмеётся вместе с сыном. Лучше потратить оставшийся заряд на человека, который поможет найти жильё.

Нужно было жилье. Любое. Даже хостел. Я вспомнила про Игоря, риелтора, которому Сергей когда-то закрыл глаза на налоговые махинации, спасая его фирму от банкротства. Игорь должен был быть благодарен. Или хотя бы осторожен.

Он встретил меня в своем офисе, нахмурившись, как учитель, пойманный на списывании.

— Елена Сергеевна, — начал он, прежде чем я успела открыть рот. — У нас нет свободных объектов.

— Я найду деньги на аванс, Игорь. Только помоги подобрать что-нибудь дешёвое. Карты заблокированы, но я хирург, я могу работать.

Игорь покачал головой. Его пальцы нервно теребили ручку на столе.

— Дело не в деньгах. Дело в рисках. Господин Гущин дал понять, что любые сделки с вами… они могут стать проблемой для моей репутации. Для моего бизнеса. Вы понимаете? Пока вы не разводите имущество официально и не получаете судебный запрет, вы для рынка — никто. Без его одобрения я вам даже угол в коммуналке искать не стану. Не хочу проблем, Елена Сергеевна. Он купил тишину вокруг вас.

Я смотрела на него и видела, как моя финансовая независимость, которой я гордилась всю жизнь, рассыпается в пыль. Обещание заплатить перестало быть ключом. Без его имени я была пустым местом. Никем.

Унижение толкнуло меня обратно к дому. К квартире, где остались мои вещи. Мои лекарства. Моя жизнь.

Дверь подъезда была опечатана красной лентой службы безопасности. Я сняла её и постучала в квартиру. Изнутри доносился шум перфоратора. Кто-то уже делал ремонт.

Дверь приоткрыл охранник в черной форме. Новый. Незнакомый.

— Мне нужны мои вещи, — сказала я. — Одежда. Документы. Лекарства от давления.

— Хозяйка сказала, что старые тряпки можно выбросить, — ответил он равнодушно. — А лекарства ей не нужны. Она здорова.

— Позовите хозяйку. Или юриста.

Он закрыл дверь прямо перед моим носом. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Я осталась стоять в темном подъезде, пахнущем свежей краской и чужой жизнью. Я всё ещё держала руку там, где только что была дверь. Внутри работал перфоратор. Мою квартиру переделывали, пока я стояла снаружи и просила отдать лекарства. Он не открыл снова, сколько бы я ни ждала.

Глава 4

Ночь я провела в круглосуточном фастфуде на окраине. Пол был холодным, липким. Пахло картошкой фри и дезинфектором. Телефон показывал 5%. Экран гас каждые несколько секунд, заставляя меня включать его снова, как умирающего пациента.

Люди шли мимо, брезгливо обходя мой столик. Кто-то шептался: «Бомжиха?» или «Психичка?».

Рядом со мной плюхнулся мужчина. Запах дешевых сигарет и перегара ударил в нос.

— Эй, девка, составь компанию, — он схватил меня за плечо. Его пальцы были грязными, цепкими.

Страх парализовал тело. Хотелось сжаться в комочек, исчезнуть. Он сжал плечо ещё крепче. Сейчас потащит меня за собой, а я так и буду сидеть, боясь пошевелиться? На соседнем столе была бутылка с водой. До неё можно было дотянуться.

Я схватила пластиковую бутылку с водой, стоявшую на соседнем столе, и ударила его по голове. Не сильно. Но достаточно, чтобы он охнул и отшатнулся, потеряв равновесие.

— Пошел вон! — рыкнула я. Голос сорвался, но в нем была сталь.

Он выругался, сплюнул и ушел, шаркая ногами.

Я выскочила на улицу, задыхаясь. Бежала, пока ноги не стали ватными. Свернулась в калачик на скамейке в ближайшем парке, под старым кленом. Темнота давила на виски. Холод проникал в кости. Я дрожала так сильно, что зубы клацали. Сон не приходил. Приходила злость. Черная, вязкая, питаемая унижением.

Утро было серым и пронизывающим. Я сидела на скамейке, глядя на свои голые руки. Кожа стала синей от холода.

Шаги. Мягкие, размеренные. Дорогая обувь.

Передо мной остановился человек в кашемировом пальто. Я подняла глаза. Виктор Дольников.

Виктор посмотрел на мои посиневшие руки, потом на лицо. Я поспешно разжала пальцы, которые уже плохо слушались: не хотелось, чтобы он увидел, до чего я дошла за ночь.

На скамейку рядом со мной лег горячий стакан кофе. Бумажный пакет с чистой одеждой. Базовой, но новой. Джинсы, блузка, свитер, пальто. Даже шоппер вместо моей сумки.

— Твой телефон сейчас выключен, — сказал он тихо. Его голос был низким баритоном, вибрирующим в воздухе. — Я знаю, где ты была. И я знаю, почему тебе некуда идти.

Я вздрогнула, инстинктивно подтянув колени к груди. Защита. Рефлекс загнанного зверя.

— Что тебе нужно, Виктор?

— Мне нужно твоё мнение. Как эксперта.

Он сел рядом. Не слишком близко, но достаточно, чтобы я чувствовала запах его одеколона — сандал и холодный металл. Опасный запах.

— Он сейчас уверен, что ты ищешь, кому поплакаться, — заметил Виктор, глядя прямо перед собой. — Долго ещё будешь его радовать? Флешку ты взяла. Хочешь узнать, что там?

Я опустила глаза. Накануне я ведь и правда искала, кому поплакаться. Флешка лежала в кармане, а я всю ночь ходила к людям, которые не хотели меня знать.

— Встань, — приказал он. Не просьба. Команда. — Мы идем работать. Не ради мести. Хотя месть будет вкусной. Ради того, чтобы доказать им всем, что ты стоишь больше, чем их презрение.

Я смотрела на пакет с одеждой и на кофе, от которого шел пар. Мучительно свело пустой желудок. Но я уже смотрела на дверь его машины: там можно отогреть руки и открыть файлы. Узнать наконец, чего Сергей так боится.

Я взяла пакет. Руки перестали дрожать.

Виктор улыбнулся уголком рта. Холодная улыбка акулы.

— Вот и славно. Машина ждет. До обеда нужно разобраться с файлами. Давай кофе с собой, допьёшь в тепле.

Телефон зазвонил ровно в девять утра, когда я уже стояла перед зеркалом в помещении, куда Виктор привёз меня отогреться, пытаясь разгладить заломы на новой блузке. Телефон успел зарядиться. Это был не Сергей. Его голос я бы узнала даже сквозь толщу стен или через динамик старого мобильника — низкий, бархатный, с той самой интонацией хозяина жизни, который никогда не просит, а требует.

Звонил его адвокат, Глеб. Знакомый мне только по корпоративным вечеринкам «Гущин Мед», где он всегда держал бокал шампанского так, будто боялся расплескать чужие деньги.

— Леночка, доброе утро, — его голос сочился медовой ленивой вежливостью. — Мы тут подумали... Сергей очень переживает за ваше состояние. Он считает, что публичные разборки никому не нужны. Поэтому мы подготовили мировое соглашение. Подпишите отказ от претензий на квартиру и имущество, и вы получите компенсацию. Символическую, но приятную. И главное — тишину. Ради вашего же лица.

Я сжала трубку так, что побелели костяшки пальцев. Лицо. О каком лице может идти речь, когда тебя выставили из собственного дома в вечернем платье? Когда твою жизнь оценили ниже нуля?

— Не смейте называть меня Леночкой, — прошипела я, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна тошноты. — И уберите своё «ради вашего лица». Я требую встречи с независимым юристом. Завтра же.

— Независимого юриста мы вам не оплатим, — Глеб хмыкнул. — Встречу требовать легко, Лен... Елена Сергеевна. Как хотите. Но закон на стороне тех, кто читает мелкий шрифт. А вы, насколько я помню, всегда доверяли мужу подписи.

Он повесил трубку. Первым. Потому что ему было все равно.

К полудню я сидела в приемной одной из самых престижных юридических фирм Москвы. Ковер здесь был таким густым, что моя дешевая сумка-шоппер выглядела на нем как пятно стыда. Секретарша, девушка с идеальной осанкой и взглядом человека, привыкшего смотреть сверху вниз, игнорировала меня два часа. Два долгих часа я слушала, как она обсуждает с коллегами новую коллекцию Chanel, пока я считала секунды, оставшиеся до того, как я окончательно сломаюсь.

Когда очередь наконец дошла до моей карточки, я не стала ждать приглашения. Вынула из кармана всю наличность — тридцать тысяч рублей, аванс за работу и единственные деньги, которые теперь у меня были, — и положила их на стол секретарши. Купюры легли поверх глянцевого журнала.

— Срочная консультация, — мой голос дрожал, но я заставила себя посмотреть ей прямо в глаза. — Сейчас. Или я звоню журналистам и говорю, что ваша фирма отказывает в помощи женщине, которую обокрал собственный муж.

Она моргнула. Один раз. Второй. Потом ее пальцы метелью смахнули купюры в ящик стола.

— Кабинет номер четыре. Ждите.

Юрист, Аркадий Давидович, оказался пожилым мужчиной с лицом, изрезанным глубокими бороздами цинизма. Он слушал мою историю молча, перекладывая документы, которые я принесла с собой. Копии брачного свидетельства и договора на квартиру, распечатки моих документов об образовании — всё, что сохранилось в телефоне.

Когда я закончила, он снял очки и начал смеяться. Тихо, сухо, без веселья. Просто звук трения сухих листьев о асфальт.

— Елена Сергеевна, — сказал он, возвращая очки на нос. — Вы действительно верите, что это можно оспорить? Они утверждают, что брак был фиктивным. И ссылаются на брачный

контракт, датированный полугодом ранее. Если вы его не подписывали, придется доказывать подделку. А квартира... Квартира оформлена на вашу свекровь. Дарственная была подписана вами год назад. Вы говорили, что подписали бумаги после операции, не прочитав. Что свекровь называла их формальностью для защиты от налоговой проверки. Вот цена этой формальности.

У меня перехватило горло. Я вспомнила тот вечер. Свекровь с мокрыми платками, суетливые руки, бокал валерьянки, который она сунула мне в руку. Я думала, что помогаю семье. Я думала, что делаю добро.

— Но это мошенничество! — вскрикнула я, вскакивая со стула. — Меня обманули! Я могу доказать, что подпись получена под давлением!

Аркадий Давидович развел руками и отодвинул мои документы к краю стола. Для него консультация уже закончилась.

— Доказательств нет. Ни свидетелей, ни записи. А у них есть деньги. Много денег. Они будут тянуть апелляцию до бесконечности. Ваша лицензия хирурга? Ее могут аннулировать за «профессиональную непригодность», если начнут проверку. У вас нет ресурсов, чтобы судиться с сетью клиник. Вы одиночка против системы. И система уже вас съела.

Я вышла из кабинета, держа документы перед собой. Их нужно было убрать в сумку, но я всё ещё сжимала края. У лифта пришлось остановиться: какую кнопку нажать, я вспомнила не сразу. В коридоре, у лифта, кто-то перегородил мне путь.

Инга Лаврова. Молодая, свежая, сияющая здоровьем модель, которая, по словам Сергея, носила под сердцем его двойню. Она стояла в дорогом пальто, которое стоило больше, чем вся моя одежда вместе взятая.

Она демонстративно поправила живот, хотя он еще едва заметно округлялся, и посмотрела на меня снизу вверх своими большими, наивными глазами.

— Он сказал, что ты истеричка, — прошептала Инга, и в ее голосе не было злобы, только холодное любопытство исследователя. — Не удивляйся, если тебя признают недееспособной. Для твоего же блага. Ты ведь сама не справишься с этой жизнью, правда?

Мои кулаки сжались так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была реальной, острой, спасительной. Я могла ударить ее. Прямо сейчас. Здесь. Разбить этот фарфор, эту наглость, это будущее, украденное у меня. Но я не двинулась. Потому что ударив беременную женщину, я стану тем самым чудовищем, которым меня рисует Сергей.

Я обошла ее, чувствуя запах ее дорогого парфюма — сладкий, приторный, удушающий. Я даже не повернулась, чтобы ответить. Тридцать тысяч остались в кассе фирмы, документы лежали в сумке, а мне уже предлагали признать поражение. И Инга, конечно, знала об этом раньше меня.

Глава 5

На улице пошел дождь. Холодный, московский: декабрьская оттепель. Телефон в кармане завибрировал. Банк. Я ответила, еще надеясь на ошибку системы.

— Все ваши счета заблокированы в связи с подозрением на отмывание средств и участие в схемах вывода активов бывшего супруга, — ровный голос оператора резал уши. — Просьба явиться в головной офис для разъяснений. Доступ к наличным средствам ограничен.

Я опустила телефон. Тридцать тысяч, которые я отдала юристу, были последними деньгами в наличии. На карте ноль. В кошельке — пустота. Такси стоило пятьсот рублей. Я не могла сесть в него. Я не могла пойти домой, потому что «дом» был там, где жила чужая женщина и чужой мужчина, которые делили мою постель и мою жизнь.

Я стояла посреди мокрого тротуара, под серыми струями воды, пропитывающими ткань моей блузки до кожи. Люди обходили меня, ускоряя шаг. Никто не видел во мне врача. Никто не видел во мне человека. Только промокшую фигуру на фоне блестящих витрин. Я могла идти, но не знала куда. Даже мокрая блузка была теперь дороже денег в моём кошельке.

Черный внедорожник остановился рядом с бордюром, почти задев мой каблук. Стекло тонировано, но я чувствовала взгляд изнутри. Тяжелый, оценивающий.

Дверь открылась. Виктор Дольников вышел под зонтом, который держал водитель. Он не предложил мне зонт. Он просто смотрел на меня своими темными, непроницаемыми глазами.

— Ты хочешь жить? — спросил он. Голос был спокойным, деловым. — Или хочешь мстить? Жить можно бесплатно, но скучно. Мстить будет дорого. Очень дорого.

Я молчала. Капли стекали по лицу; хотелось вытереть их рукавом, но тогда он увидит, как дрожат руки. Холод пробирал до костей, но страх перед ним был сильнее холода. Страх быть ничем.

Виктор не стал ждать ответа. Он открыл заднюю дверь машины. Внутри пахло кожей, сигарным дымом и теплом. Я придвинулась к открытой двери, сама того не заметив. Внутри было сухо и тепло. Хотелось сесть, закрыть её и хотя бы минуту не думать, куда идти дальше.

Он положил на сиденье телефон. Экран светился красным значком диктофона.

— Скажи вслух, что ты согласна работать на меня. Любыми методами. Без ограничений по совести. Иначе я уеду, и ты останешься здесь ночевать под этим дождем.

Красный значок на экране продолжал мигать. Эту запись он сохранит: потом не скажешь, что речь шла только о консультациях. Я могла отойти от машины, но позади был мокрый тротуар, а впереди — ещё одна ночь без места, где её провести.

Я посмотрела на его лицо. В глазах Виктора не было жалости. Там был расчет хищника, проверяющего добычу на прочность.

Я взяла телефон. Пальцы дрожали, но я сжала его крепко.

— Я согласна, — произнесла я четко, глядя ему в глаза.

Виктор улыбнулся. Холодной, акульей улыбкой. Он забрал телефон и выключил запись.

— Ты согласилась на любые методы. А значит, готова и лгать. Это хороший старт, Елена. Честные люди в этом бизнесе долго не живут. Садись.

Я села в машину. Тепло пробралось под мокрую блузку. Я прижала ладони к коленям и вспомнила папу: ему я второй день не могла заставить себя позвонить. Он бы просто забрал меня домой. Здесь же за каждую минуту в машине с меня уже спросили плату.

Машина тронулась, вливаясь в поток московских огней. Я посмотрела в зеркало заднего вида. На другой стороне улицы, под навесом другого автомобиля, стоял Сергей. Рядом с ним была не Инга. Была другая женщина. Высокая, рыжая, в коротком платье. Она смеялась, запрокинув голову, а Сергей целовал ее в шею, жадно, собственнически.

Инга была прикрытием. Расходным материалом для показухи. А эта рыжая... Кто она? И почему она была важнее беременности?

Сергей поднял глаза и посмотрел вслед нашей машине. На мгновение его лицо исказилось, но потом он отвернулся, продолжая целовать другую женщину. Ему было все равно, куда я еду. Главное — что я исчезла из его поля зрения.

Я смотрела на него, пока машина не проехала дальше. Ему казалось, что со мной покончено. Запись моего согласия лежала у Виктора в телефоне; отступать теперь я не собиралась.

За стеклянными дверями клиники «Гущин Мед» гудели кондиционеры и пахло антисептиком. Этот запах въедался в одежду после долгого дня у операционной. Сегодня я почувствовала его с порога и чуть не пошла по привычке к служебному лифту.

Мои пальцы сжимали ручку сумки так, что костяшки побелели. В сумке больше нечего было перебирать. Я разжала пальцы, переждала боль в суставах и снова взялась за ручку. За спиной охранника, у колонны, ждал Виктор Дольников. Он видел меня, но не вышел навстречу. Значит, вступать в разговор с Сергеем придётся самой.

— Стоп, — голос Сергея был тихим, но режущим, как скальпель.

Он стоял посреди холла, залитого искусственным светом, в идеальном сером костюме, который я когда-то гладила для него каждое утро. Рядом с ним — Инга. Молодая, упругая, с животом, округлившимся уже заметно. Она поправляла лямку дорогого платья цвета спелой вишни.

Сергей поднял руку, останавливая меня на пороге. Охрана — два громилы в черных пиджаках — шагнули вперед, перекрывая путь к ресепшену.

— Ты ошиблась адресом, Лена, — Сергей улыбнулся той самой улыбкой, которую дарил инвесторам перед тем, как выжать из них последние деньги. — Здесь частная территория. Для пациентов. Не для бывших жен, которые устраивают истерики.

Я не просила. Не умоляла. Я выпрямила спину, чувствуя, как напряглись мышцы живота.

— Мне нужны документы из архива за третий квартал, — сказала я ровно, глядя ему прямо в глаза. — Это рабочий вопрос.

— Рабочий? — он хмыкнул, скривив рот. — Ты больше не работаешь здесь. Твой доступ аннулирован. Уходи, пока я не вызвал полицию за нарушение неприкосновенности частной собственности.

Инга сделала шаг вперед. Казалось бы, случайно. Ее локоть толкнул меня в плечо. Больно. Резко.

Она прижалась губами к моему уху, и ее шепот был слаще яда:

— Старая сухая корка. Даже муж тебя выбросил, потому что ты бесполезна. Посмотри на себя. Ты даже дышать нормально не можешь без его разрешения.

Я перестала отводить глаза. Пусть повторит это при всех, а не шепчет, пользуясь тем, что стоит рядом с Сергеем. Я отвела взгляд от Сергея и посмотрела на Ингу. На ее дорогую сумку Hermes, которую она держала обеими руками, словно боясь, что ее отнимут. На ее дрожащие ресницы. Она не была хозяйкой положения. Она была заложницей контракта.

— Ты боишься, что он передумает, Инга? — спросила я громко, чтобы слышал весь холл. — Или того, что он узнает правду о тебе?

Ее лицо исказилось. Она попятилась.

Сергей нахмурился. Его глаза метнулись к Виктору, который все так же молча наблюдал из тени колонны. Молчание давило сильнее криков. Виктор проверял меня. Сломлюсь ли я под натиском эго моего бывшего мужа или стану агрессивнее?

Я развернулась к стене, где висела табличка «Отдел документооборота», и повысила голос:

— Мне нужен только один документ. Отчет о расходах на оборудование. Остальное — ваша проблема, если вы хотите сохранить лицензию после проверки Росздравнадзора.

Холл замер. Секретарши перестали стучать по клавишам.

Сергей побледнел. Его образ «доброго джентльмена, который просто расстался с женой» трещал по швам. Он сделал шаг ко мне, понизив голос до интимного тона, рассчитанного на публику:

— Лена, давай по-человечески. Я переведу тебе пятьсот тысяч. Это больше, чем ты заработала за год в клинике. Бери деньги и уходи. Не позорься.

Пятьсот тысяч. За годы, отданные его амбициям. За бессонные ночи, когда я ставила ему капельницы после его «рабочих» вечеринок. За то, что я отказалась от своей карьеры ради его стартапа.

— Подачка для нищенки, — процедила я сквозь зубы. — Я не торгую собой, Сергей. Я требую правды. И я заберу её сама.

Он вздохнул, изображая терпение святого мученика, и махнул рукой охраннику.

— Проводите госпожу Ветрову. Извините, но закон есть закон.

Главный бухгалтер, Лев Абрамович, лысый мужчина в очках с толстыми линзами, вышел из своего кабинета. Лицо у него было каменным.

— Елена Сергеевна, приказ владельца окончательный, — пробормотал он, избегая моего взгляда. — Без письменного распоряжения господина Гущина я не имею права открывать архив. Это должностное преступление.

Лев Абрамович стоял передо мной, опустив глаза, и повторял про распоряжение. Ещё немного — и охрана опять вытолкнет меня за дверь. Виктор увидит, что я ничего не добилась. Нужен был вопрос, после которого бухгалтер не сможет просто уйти.

Я вспомнила пациента VIP-класса — генерального директора нефтегазовой компании, который лечился здесь тайно от жены и акционеров. Он умер, а расходы по его карте продолжали идти. Эти цифры Лев Абрамович помнил не хуже меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.